

Книга И. Бернштейн «Литература социалистической Чехословакии» — плод глубоких размышлений о ведущих тенденциях в развитии чешской и словацкой литературы за последнее десятилетие. Во введении говорится: «Новые тенденции начали проявляться в литературе Чехословакии еще со второй половины 50-х годов, когда стали ясно ощутимы значительные перемены в обществе, успешно завершающем построение социализма...» Важно отметить умение автора выделить главное, чутко уловить и по достоинству оценить все передовое, воплощающее идеи социалистического гуманизма. Определение идейно-художественной ценности произведений, анализ специфики формы, вопросы стиля — вот основные аспекты работы И. Бернштейн. Радует, что книга построена не по принципу описательного хронологического обзора, как это принято в подобных изданиях. После главы о дискуссиях, которая названа «Спор о судьбах литературы XX века», идет большая и содержательная глава о прозе — «Человек и история», далее — главы о публицистике, поэзии и драматургии, специально выделены философская, лирическая проза и сатира.

В свете последних споров о романе особенно интересна глава, посвященная рассмотрению монументальных произведений Вл. Минача, Фр. Гечко, Я. Отченашека, Н. Фрида, К. Птачника, Р. Яшика, Л. Мнячко и др. Справедливо отмечая «эпический размах» в современном чешском и словацком романе, И. Бернштейн делает интересные наблюдения над

стилем: проникновение в художественную ткань «элементов репортажа, исторической хроники», «многослойность повествования» способствуют живому отражению современности.

Она критикует схематизм так называемого «производственного» романа, пресловутую «теорию бесконфликтности», чутко воспринимает индивидуальное в манере писателя. Так, правильно подмечена некая «стихийность» эпического начала в творчестве К. Птачника, романы которого действительно покоряют непосредственностью художественных зарисовок и вместе с тем иногда лишены строгой целенаправленности в изображении событий и характеров: «...во множестве фактов и жизненных судеб теряется линия действия». И наоборот, раскрывая характерные черты стиля Н. Фрида, автор говорит об умелом и строгом отборе фактов писателем, о подчиненности отдельных деталей общему замыслу. В романах Н. Фрида отмечена достоверность характеров, важная роль подтекста. Интересно раскрыт и второй план в повествовании Р. Яшика.

Опираясь на конкретный анализ широко известной трилогии Вл. Минача, И. Бернштейн решительно выступает против утверждения некоторых критиков, будто в романе «Живые и мертвые» нашла выражение теория «дегероизации» современной действительности. Приведенная в книге оценка словацкого критика Я. Рознера, считающего роман «Живые и мертвые» «народной эпопеей», по мнению И. Бернштейн, совершенно справедлива: какие бы тяжелые периоды в жизни Чехословакии ни изображал писатель, он никогда «не теряет из виду общую перспективу

* И. А. Бернштейн, Литература социалистической Чехословакии, «Советский писатель», М., 1965, 247 стр.

событий, ведущую к всемирно-исторической победе народа». Выявление исходных философских принципов отдельных писателей — наиболее сильная сторона книги. Достаточно сослаться на глубокий анализ, например, романа Л. Мнячко «Смерть зовется Энгельхен».

Рассматривая характерные особенности развития современной повести, И. Бернштейн приходит к следующему выводу: «...Попытки выйти за пределы эмпирического опыта рассказчика и расширить рамки аналитического исследования свидетельствуют об актуальности создания романа из современной жизни, о том, что возвращение к этому жанру явно стоит на повестке дня». Дальнейший конкретный анализ повестей Вл. Минача, Ю. Шпитцера, романа Л. Бублика «Становление» и других произведений подтверждает эту мысль автора.

В книге отражен и самый процесс рождения романа о современности, его особенности, сильные и слабые стороны. Подчеркнута «сила интеллектуальной линии, которая так характерна для социалистического реализма на его сегодняшнем этапе». С другой стороны, показана узость проблематики отдельных произведений, сюжетная незавершенность, «сковывающее свойство «*isch*-формы». Интересна та часть, где автор пытается объяснить неудачи в прозе последних нескольких лет. Критикуя «литературу факта», лишенную значительных теоретических и жизненных обобщений, И. Бернштейн пишет: «Факт, вырванный из общественных связей, так же мало помогает дать связную картину действительности, как и индивидуальность вне общественных связей. Здесь — настоящая причина ряда неудач последних лет».

Постоянное сопоставление произведений чешских и словацких писателей с советским и западноевропейским (немецким, английским, французским) романом, выявление чеховских и брехтовских традиций в чехословацкой драматургии позволяют автору рассмотреть важные процессы в свете общего развития современной мировой литературы. Однако именно эту линию в книге, связанную с наблюдением над общими закономерностями, надо было бы развернуть и углубить (см. стр. 47, 64, 65, 74, 88, 166 и др.).

Более подробно, чем в главах о прозе и поэзии, освещены общие тенденции в развитии современной драматургии Чехословакии. Раздел о драматургии — один из самых интересных в книге. обстоятельное рассмотрение конфликтов в пьесах В. Незвала, П. Когоута, П. Карваша, Ф. Грубина и других авторов позволяет выявить новые аспекты в изображении современности, проследить возникновение своеобразных художественных форм. Так, И. Бернштейн отмечает появление оригинальной формы драматического репортажа, с помощью которой авторы пытаются преодолеть штампы «производственной драмы» (пьеса М. Стеглика «О кроне и любви»). Любопытно раскрыты художественные принципы и стилевые новшества комедии-гротеска.

Подчеркивая актуальность проблематики чешских и словацких пьес, И. Бернштейн обращает внимание на то, что многие важные моральные проблемы «остаются заданными, но не воплощенными в действии пьес».

Хотелось, чтобы различные жанры были представлены и в разделе о

поэзии. Однако здесь нет четкой жанровой дифференциации, а ведь в последнее время видное место занимает поэма, и об этом стоит поговорить особо. Интересно и довольно полно даны портреты И. Шотолы, М. Кундеры, М. Руфуса и др. Но и здесь в основном передана лишь общая тональность отдельных поэтических сборников, определен ключ, в котором они написаны, и мало сделано наблюдений над стилем и конкретными поэтическими приемами. К сожалению, не раскрыто значение «Хиросимы» Ф. Грубина — несколько необычного произведения, содержащего страстный протест против атомной войны и таящего в себе удивительное сочетание трагического и оптимистического начал. Поэзия Ф. Грубина вообще недостаточно четко представлена в книге. Мало сказано о его замечательной поэме «Романс для кларнета», не рассмотрена, например, ее оригинальная композиция, позволившая поэту раскрыть духовное созревание современника на фоне исторических событий последних десятилетий.

В книге намечена общая линия развития чехословацкой поэзии, четко обозначены этапы последних лет, определены рождающиеся в горячих спорах новые поэтические позиции. Но иногда автору изменяет тонкое ощущение литературного процесса. Нам представляется упрощенной такая характеристика развития поэзии: «Если на первом этапе послефевральская чешская поэзия вдохновлялась общей идеей, затем фактом, то теперь поэтов больше всего интересует субъективный характер восприятия действительности». Тем более что ранее достаточно убедительно определен смысл протеста молодых поэтов против сложившихся поэтических канонов, ограничивавших

воплощение многообразных жизненных связей человека с действительностью. Хотя нужно было отметить при этом незрелость, сказавшуюся в художественных поисках молодежи.

Думается, И. Бернштейн порой недостает критической остроты в оценке отдельных явлений и произведений. Так, на наш взгляд, заслуживает более глубокой критики роман К. Птачника «Город на границе». Весьма плодотворным было бы сравнение концепции этого романа с замыслом неоконченной трилогии В. Ржезача, относящейся к первой половине 50-х годов. Нам представляется спорной, несколько завышенной оценка «Трусков» Й. Шкворецкого. Недостаточно четко освещена и развернувшаяся вокруг этого произведения дискуссия.

В заключение следует заметить, что все-таки у нас существует определенная тенденция судить о состоянии литературы по роману, в лучшем случае по прозе. Есть она в какой-то степени и в книге И. Бернштейн, хотя чувствуется стремление автора преодолеть эту тенденцию, отразить жанровое многообразие современной литературы Чехословакии, показать то новое, что появилось за последние годы в области лирической и философской прозы, очерка и драматургии, представить все богатство социалистического реализма.

Книга-размышление о судьбах и состоянии литературы на современном этапе, о важнейших тенденциях развития — это не совсем обычный жанр работ, основная задача которых определяется необходимостью познакомить советского читателя с новыми произведениями зарубежных друзей и литературной жизнью страны. Тем важнее удача И. Бернштейн.

Р. КУЗНЕЦОВА